

**«МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК НА ФОНЕ БОЛЬШИХ ИСТОРИЙ»:
НЕТИПИЧНЫЙ ПОРТРЕТ ЖУРНАЛИСТА СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ
(рец. на кн.: Кимерлинг А. С., Лейбович О. Л. «Я вырос
в сталинскую эпоху»: политический автопортрет советского
журналиста. М.: ИД Высшей школы экономики, 2019. 364 с.)**

doi: 10.30759/1728-9718-2021-2(71)-186-188

Историческая монография издана НИУ «Высшая школа экономики» на средства целевого гранта.

Сталинизм как властный проект создания социалистического государства изучен историками достаточно подробно. Исследование А. Кимерлинг и О. Лейбовича интересно прежде всего особым взглядом на изучаемую эпоху. Авторы опираются на уликовую парадигму К. Гинзбурга, позволяющую интерпретировать большую историю через деконструкцию жизненного мира маленького человека. Персонаж произведения итальянского историка мельник Меноккио столь же нетипичен, как и партийный журналист, спецкор Молотовской (Пермской) областной газеты «Звезда» Михаил Данилкин, выбранный главным героем этого исследования. Данилкин и похож, и одновременно не похож на своих номенклатурных современников: он отличался от них высокой самооценкой; в своих текстах он ставил себя рядом с товарищем Сталиным, считал себя вправе выносить авторитетные суждения по вопросам большой и малой политики.

Данилкин оставил после себя обширное литературное наследие, сохранившееся в архивно-следственном деле 1953 г. Авторы, опять же вслед за К. Гинзбургом, работают в технике парадигмы инквизиторской антропологии. Они настаивают на том, что содержание жизненного мира их героя можно восстановить на основании протоколов допросов и личных документов, приобщенных к делу.

Именно нетипичность главного героя, его способность предъявить собственное видение окружающего советского мира, судить власть имущих (больших и малых начальников), крамольничать в письмах к Сталину позволяют увидеть в малом большое, в индивидуальных реакциях — невидимые пласты советской культуры.

Предъявленная в книге фигура М. Т. Данилкина двойственна. С официальной точки зрения, его биография может считаться образцовой. Рожденный в 1914 г. сын крестьяни-

на-бедняка, воспитанник советской школы, участник коллективизации, комсомолец, рабочий на строительстве Березниковского химического комбината, выдвиженец, фронтовой офицер-орденоносец, после войны партийный журналист, разоблачитель злоупотреблений областного партийного начальства, пострадавший за критику и восстановленный в должности секретариатом ЦК ВКП(б)... В то же время на страницах книги за парадным портретом предьявляется иной облик героя — человека, страдающего наследственным алкоголизмом, недоучившегося, неуживчивого, ограниченно-агрессивного, с невероятным по тем временам самомнением...

Уроки политграмоты, полученные в сельской школе, идеологические формулы, заученные им в стенах комсомольского райкома и, главное, сталинские тексты определили его мировоззрение. «Его жизненный путь в узловых пунктах совпадал с основными вехами сталинской эпохи. Данилкин чувствовал себя солдатом партии, но все время выбивался из строя».¹ На самом деле, если следовать тексту монографии, его выход из строя произошел в послевоенное время.

Расхождение обретенной им в 1930-х гг. идентичности с послевоенным социализмом породило конфликт. Анализ его и составляет содержательное ядро исследования А. Кимерлинг и О. Лейбовича.

Привлекает внимание, как авторы сумели справиться с известной проблемой работы в архивах по эго-тематике — скупостью документов, свидетельствующих о личном, индивидуальном компоненте социальной жизни в те годы. «Мы мало знаем о начале его жизненного пути, о процессе формирования политических взглядов. <...> Это скорее отчет, нежели хроника жизни», — подчеркивают авторы.² В действительности у А. Кимерлинг и О. Лейбовича

¹ Кимерлинг А. С., Лейбович О. Л. «Я вырос в сталинскую эпоху»: политический автопортрет советского журналиста. М., 2019. С. 16.

² Там же. С. 17.

получилось реконструировать заметно больше, чем наброски жизненной траектории. Они критично и практично использовали скурые данные анкет, материалов допроса и редкие элементы самоописаний М. Данилкина, вошедшие в его переписку с разными инстанциями. Особенно ценно, что реконструкция биографии М. Данилкина дополнена обширными описаниями эпохи, благодаря чему читатель видит перед собой многоплановую историю. Типичный пример используемой технологии — привлечение дополнительных архивных материалов для характеристики быта рабочих на стройке 1930-х гг.: «Мужчины, женщины и дети живут в громадных бараках, предназначенных на 88 спальных мест. Во многих из них, однако, проживает по 100 человек и более. На деревянных нарах; подушку заменяет им полено; нет ни матрасов, ни одеял». ³ А. Кимерлинг и О. Лейбович стремятся яркими красками, в деталях и подробностях описать условия жизненных коллизий своего героя, соединив в гармоничное целое элементы личной, социальной и политической биографии М. Данилкина.

Знакомясь с перипетиями судьбы М. Данилкина, читатель получает возможность оценить на примерах и в деталях, как менялся социализм, увидеть его представителей в лице хозяйственной и партийной номенклатуры. В книге представлены объемные портреты секретаря обкома, редактора областной партийной газеты и начальника отдела рабочего снабжения. Авторам удалось избежать односторонности в изображении противников М. Данилкина, трактуемых им как врагов советской власти и социализма.

Тупик ситуации, в которой оказался М. Данилкин, состоял в том, что, пройдя по ступеням советской социализации, он обрел и сохранил неизменным большевистский язык, а с ним и систему ценностей и ориентиров раннего сталинизма.

Убедительным выглядит тезис, аргументированный авторами:

«Противоборство М. Данилкина с властью имело под собой глубокие основания. На исходе сталинской эпохи он сумел увидеть, как под покровом социалистической культуры складывается совсем иное общество с глубоким имущественным расслоением, со взаимным обособлением социальных групп — общество, в котором постепенно приобретает самосто-

ятельное значение частная жизнь людей, отчужденных от политики, социалистических идеалов и революционных традиций. Частная жизнь развивалась по правилам и нормам, сложившимся в буржуазном обществе. Социализм все более теряет свое жизнеутверждающее начало, превращается в обряд, в привычный и бессмысленный ритуал». ⁴

В 1940–1950-х гг. ключевую роль в хозяйственной и политической жизни страны стали играть номенклатурные сообщества, сконструированные по образцу кланов. ⁵ Социализм превратился в неформальную сеть личностных обязательств, покровительств и отношений, позволяющих извлекать взаимную (персональную и групповую) выгоду от эксплуатации властных позиций. В условиях скрытого обуржуазивания советской номенклатуры М. Данилкин оказался чужим. Его борьба с номенклатурой, используемые в ней аргументы и инструменты — фельетоны в газетах, письма в ЦК и даже нравоучения и критика Сталина — ставят его в позицию маргинала и одновременно оппонента обновленного социализма.

Авторам удалось представить своего героя, нетипичного журналиста М. Данилкина советской версией Дон Кихота, который оказался не способен меняться вместе с линией партии. Перипетии сложной судьбы М. Данилкина выходят за рамки личной трагедии и судьбы. Это образ человека, олицетворяющего трагизм судьбы первого поколения советских людей, поверивших в новый мир, в идеи социализма эпохи первых пятилеток.

В отличие от своего художественного прототипа Дон Кихота, М. Данилкин познает радость победы над врагом. Его разоблачения злоупотреблений на заводе приведут к снятию и осуждению М. З. Дугатко (начальника ОРСа азотно-тукового завода), отставке секретаря Молотовского обкома К. М. Хмелевского. Но так же, как его литературное alter ego, он будет жестоко разочарован реальностью. М. Дугатко сможет найти себе новое место работы, а назначенный на место К. М. Хмелевского новый хозяин области — Ф. М. Прасс — окажется заурядным номенклатурным работником, типичным партийным чиновником, не более того.

⁴ Там же. С. 231.

⁵ См.: Шабалин В. В. Номенклатурные сообщества советского тыла // СССР во Второй мировой войне. Оккупация. Холокост. Сталинизм. М., 2014. С. 267–279; Лейбович О. Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. М., 2008.

³ Там же. С. 38.

Финал борьбы М. Данилкина известен читателям заранее. Авторы сразу ставят точки над *i*, помещая в самом начале выписку из приговора.⁶ Ведь книга, которую они написали, не про репрессивную систему.⁷

М. Данилкин сумел сохранить верность обретенным убеждениям, несмотря на войну, карьерные неурядицы и давление обстоятельств. Это не позволило ему обрести мирный очаг и прожить спокойную жизнь. Зато авторам удалось показать, в каких условиях формировался и обретался революционный тип сознания, как можно было его сохранить и к каким по-

следствиям могла привести верность системе классовой идентификации себя и других.

Книга написана хорошим языком. Благодаря вставкам из архивных документов ей удается передать дух эпохи. Для историка в работе есть много интересных находок, побуждающих к профессиональному диалогу и дискуссии. История человека, рассказанная нам А. Кимерлинг и О. Лейбовичем на страницах книги, дополнит историческую науку еще одной возможностью узнать, понять и интенсифицировать диалог о проблемном и сложном прошлом.

к.и.н. А. Н. Кабацков,

Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь)

⁶ Кимерлинг А. С., Лейбович О. Л. Указ. соч. С. 6.

⁷ О репрессиях авторами опубликованы следующие тексты: Включен в операцию. Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. М., 2009; Кимерлинг А. С. Террор на излете. «Дело врачей» в уральской провинции. Пермь, 2011; и др.